

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10590

УДК 82.09

А. А. Коновалов

<https://orcid.org/0000-0001-9311-3239>

«Писательское» осмысление русской литературы в литературно-критических трудах Л. Д. Ржевского

Данная статья посвящена обзору и систематизации литературно-критических идей Леонида Денисовича Ржевского (Л. Д. Суражевского, 1903-1986) – писателя и литературоведа второй волны русской эмиграции.

К настоящему моменту жанр литературной критики в обширном наследии русского зарубежья исследован недостаточно, несмотря на то, что именно критика признается многими учеными наиболее сильной в литературе эмиграции. Творчество Л. Д. Ржевского, которого коллеги и современники считали его настоящим знаком классической литературы (его литературоведческие работы охватывают полуторавековой период – от А. С. Пушкина до советских и зарубежных писателей и поэтов, живших в одно с ним время), исключением не является.

В статье предпринята попытка анализа тем, к которым Ржевский-писатель постоянно возвращался на протяжении всей своей научной работы. Результатом проведенного исследования стали подробное описание данных тем и группировка их по четырем кластерам критической проблематики:

- вопросы взаимосвязи языка и культуры (языковые процессы, вызванные к жизни тоталитарным режимом в СССР, например, эволюция и особенности использования в литературном творчестве приема тайнописи, возникшего как результат тоталитарных запретов);
- тоталитаризм и эстетика литературы (в том числе метод социалистического реализма как объект исследования для литературного критика);
- противостояние русской культуры эмиграции и советской русской культуры;
- исследования, посвященные творчеству отдельных писателей и поэтов, среди которых были признанные классики русской литературы, советские поэты и прозаики, а также литераторы первой и второй волн эмиграции.

Материал данного исследования позволяет абсолютно по-новому взглянуть на тексты Ржевского-писателя, поскольку анализируемый литературоведческий опыт наложил значительный отпечаток на художественную прозу автора.

Ключевые слова: эмиграция, литературная критика, язык и культура нации, тоталитарный запрет, тайнопись, метод социалистического реализма, русская культура эмиграции, советская русская культура

А. А. Konovalov

The «writer's» comprehension of Russian literature in literary-critical works of L. D. Rzhevsky

This article is devoted to the overview and systematization of literary-critical ideas of Leonid Rzhevsky – a writer and a literary critic of the second wave of Russian emigration.

Currently, the genre of literary criticism in the vast legacy of the Russian foreignness has not been studied enough, despite the fact that criticism is recognized as the most significant component in the literature of emigration. And the creativity criticism of L. D. Rzhevsky is not an exception.

This article attempts to analyze the topics constantly addressed by Rzhevsky-writer throughout his scientific work. The result of the study is a detailed description of these topics and their grouping into four clusters of critical issues:

- the questions of the relationship between language and culture (the linguistic processes caused by the totalitarian regime in the USSR, in particular, the evolution and peculiarities of the use of the secret writing technique in literary works, which arose as a result of totalitarian prohibitions);
- totalitarianism and aesthetics of literature (including the method of socialist realism as an object of study for literary critic);
- the confrontation of Russian culture of emigration and Soviet Russian culture;
- the researches dedicated to the work of individual writers and poets, including the recognized classics of Russian literature, Soviet poets and prose writers, writers of the first and second waves of emigration.

The material of this study allows taking a fresh look at the texts of Rzhevsky-writer, because the critical experience has left a significant imprint on the author's fiction.

Keywords: emigration, literary criticism, the language and culture of the nation, totalitarian prohibition, secret writing, the method of socialist realism, Russian culture of emigration, Soviet Russian culture.

Литературоведческие работы Л. Д. Ржевского, по замечанию В. Синкевич, охватывают полтора десятилетия русской литературы: от Пушкина до советских и зарубежных прозаиков и поэтов. Самый интенсивный период его работы в этой области был, безусловно, в Америке, где автор прожил почти четверть века (он переселился в США в 1963 году)» [20, с. 16].

Леонида Ржевского ценили и уважали его коллеги – писатели и критики: по словам В. Синкевич, «Ржевский, знаток классической литературы, был исключительно чутким и внимательным современником: так же, как о классиках, он писал о прозаиках и поэтах нашего времени..., живших в старой России, а в наше время по обе стороны рубежа» [20, с. 16]. Он откликнулся не только на сугубо литературные явления и факты, но и на культурно-общественные: Ржевский глубоко и деятельно любил Россию, и, не боясь патетики, можно сказать, что всего себя посвятил русской культуре, будучи убежденным в высоком культурном потенциале русского человека.

Ржевский публиковал свои работы на страницах зарубежной печати: в мюнхенском журнале «Грани», редактором которого он был с 1952 по 1955 годы, в журналах «Посев» (Германия), «Новом журнале» (США), газете «Новое русское слово» (США) и др. Отдельными книгами выходило несколько работ, посвященных конкретным вопросам литературы, языковедения и социологии. В 1970 году вышел сборник статей «Прочтение творческого слова: литературоведческие проблемы и анализы», в которой помимо ранее опубликованных аналитических статей была представлена концепция филологического анализа. В 1990 году, посмертно, вышла книга «К вершинам творческого слова», где были собраны основные научно-критические статьи Л. Ржевского.

В литературоведческих и публицистических трудах Л. Д. Ржевского можно выделить несколько тем, к которым исследователь возвращался на протяжении всей своей научной работы. Их можно сгруппировать следующим образом:

1) вопросы тесной взаимосвязи языка и культуры нации, в частности, какие языковые процессы повлек за собой тоталитарный режим в СССР;

2) тоталитаризм и эстетика литературы, в частности, исследование существа метода социалистического реализма и актуализированного в свя-

зи с ним феномена криптографичности литературного текста;

3) проблемы национальной культуры и эмиграции;

4) исследования, посвященные творчеству отдельных писателей и поэтов.

Стоит отметить особую черту литературно-критических работ Ржевского: критик всегда оставляет право выбора за читателем. Он только предлагает одно из толкований, делает акцент на важном, на его взгляд, аспекте проблемы. Для стиля литературоведческих статей Ржевского характерны субъективно-модальные выражения *может быть, в какой-то мере, пожалуй, вряд ли, по-видимому*. Приведем примеры: в 1950 году в Париже вышел сборник стихов С. Есенина со вступительной статьей Г. Иванова; в рецензии на эту книгу Л. Ржевский полемизирует – в очень характерной для него, «мягкой», манере – с утверждением Г. Иванова, что «по размеру своего дарования С. Есенин не только не Пушкин, но и не Некрасов и не Фет»: «Оставив в стороне два первых наивных сопоставления, скажу лишь, что поэтическое дарование (не поэтическая культура!) Есенина, *по всей вероятности*, значительно выше фетовского [17, с. 177]. «Заранее отказывается от притязаний на полноту и разносторонность анализа и автор предлагаемой работы», – пишет Ржевский в интереснейшей, богатой лингвистическими наблюдениями, работе «Роман Доктор Живаго Б. Пастернака. Стилль и замысел» [14, с. 89]. Такое отсутствие авторитаризма, деликатность в обсуждении темы, оценке того или иного явления сохраняются и в художественной прозе Ржевского.

Примечательно, что на страницах своей художественной прозы Ржевский постоянно обращается и к темам, обозначенным выше. Охарактеризуем каждую из представленных групп.

1. Язык как отображение национальной культуры

Большое внимание в своих литературоведческих работах Ржевский уделял языку – как отражению культуры нации и как объекту изучения авторского стиля. «В университетские годы овладел мною интерес к языку как предмету науки», – пишет Ржевский в автобиографии [13, с. 222]. В соавторстве с другими методистами в 1932 году вышла первая книга Ржевского – учебник по русскому языку (глава «Морфология»; по другим све-

дениям – глава «Орфография»). В 1941 году, перед самым отъездом на фронт, Ржевский защитил диссертацию о языке комедии «Горе от ума».

Жесткие идеологические рамки, в которых оказались творческие люди в годы сталинских репрессий, обусловили интерес Ржевского к проблеме зависимости языка и политического режима. В 1949 году в очерке «Живое и мертвое слово» автор утверждает: «Трагедия современного советского литературного языка – не в засорении его чистоты, не в нарушении привычных литературных норм. Она – в потере свободы. Язык, у которого отняли свободу, беднеет не только в средствах внешней выразительности. Иссыкают животворящие его силы, гибнет душа языка» [9, с. 67]. «Светофоры на путях советского языкознания», «Запечатленный язык» – таковы названия статей Ржевского по данной проблеме. «Запечатленный язык истощается, как река в засуху – вширь и вглубь; беднеет количественно: выпадают целые словарные пласты, относящиеся, например, к области религиозного сознания, немарксистской философии и морали, нематериалистической эстетики, непартийной социологии и т. п. Хиреет он и качественно, потому что под непрерывным давлением и контролем оскудевает его синонимическое богатство, больше того – иссыкают сами животворящие его силы, искажается, опустошается душа языка, на смену живой правде и широте приходит безжизненность и убогость трафарета...» [16, с. 34]. Никто не вправе пренебрегать взаимосвязанностью триады *язык – сознание – свобода* [16, с. 32]. Свои наблюдения Ржевский обобщил в работе «Язык и тоталитаризм», опубликованной в 1951 году в Мюнхене, где, в частности, не только включился в дискуссию о марризме, но и задался вопросом: почему «Новое учение о языке» как научная теория (безотносительно ее «ненаучности») и ученые, ее представляющие, оказываются «выброшенными на свалку», когда как в течение стольких лет та же власть ее «пестовала». Ответ, по Ржевскому, очевиден: «Понять эту кажущуюся непоследовательность можно, только вспомнив, что большевизм как тоталитарная система на данном ее этапе вполне и безусловно чужд всякой науке» [18, с. 49].

В очерках о творчестве Солженицына (1972) Ржевский обращает внимание именно на тот факт, что Солженицыну удалось русский язык «раскрепостить», «воскресить». Источниками обновления словаря для Ржевского становятся широкое использование словаря Даля, возвращение в язык художественной литературы утерянных и забытых

речений (критик использовал для их обозначения термин «уроненные»); активное словотворчество, «подслушанное» автором в живом разговорном окружении. Причем два последних источника иной раз нелегко различить, как когда-то и у Лескова, отмечает ученый. Еще одним путем обогащения речи, в понимании Ржевского, становится синтаксис или «склад», по Солженицыну, понимаемый последним как способ «управления слов словами, их стыковки, их расположения в обороте, интонационных переходов между ними» [16, с. 31-52].

Негативные процессы в языковой сфере Ржевский отмечал не только в Советском Союзе, но и в эмигрантской среде: «мы здесь, в эмиграции, к своему языку невнимательны... писания вполне грамотных в языковом отношении людей содержат то и дело досаднейшие длинноты, туманности, трафареты – результат небрежения языковой культурой» [12, с. 24].

2. Тоталитаризм и литературная эстетика

Многие русские критики и писатели, оказавшиеся в эмиграции, следили за развитием художественной, художественно-публицистической и научной литературы у себя на Родине. Основная тональность наблюдений критиков русской эмиграции – неприятие сложившейся системы контроля над творчеством писателей. Так, Л. Т. Осипова в книге «Явное рабство и тайная свобода», анализируя основные произведения советской литературы 30-50-х годов, заключает, что советский писатель лишен права быть правдивым, так как литература в СССР самостоятельного значения не имеет – она лишь инструмент пропаганды, облеченной в форму стихов, повестей, романов, очерков. В соответствии с целями пропаганды «фальсифицируется все: история, русская и советская, настроения населения, до- и послереволюционные чувства, надежды и верования советского человека» [6, с. 13].

Ржевский посвятил этому вопросу несколько своих работ («Главное направление», «Потом», публикации «По страницам московских журналов» и др.), основные из которых – «Зашифрованный термин (о существовании социалистического реализма)» [10, с. 23-42] и «Гайнописное в послеоктябрьской литературе» [15]. Идея первой работы заключается в том, что, по мнению автора, понятие «социалистический реализм» не поддается определению в рамках эстетических категорий. Ржевский подвергает тщательному анализу трактовки соцреализма советских же литературоведов,

а также советскую критику и публицистику, и приходит к выводу: беспристрастного исследователя должно «поразить отсутствие литературоведческого, т. е. собственно художественного, критерия в практике советской критики» [10, с. 110]. Таким образом, «формула социалистического реализма со стороны литературоведческой не определяет какого-либо собственно творческого метода, являясь лишь директивной художнику в части отбора, осмысления и изображения действительности, обязательных в целях коммунистического воспитания людей» [10, с. 114]. Тенденция этой директивы – «запретительность». В своих статьях Ржевский не раз цитирует строчки поэта И. Елагина, которые «хорошо передают важнейшую направленность „метода“»: «Ведь для того же социалистический / И существует реализм / Чтобы никто не мог реалистически / Изображать социализм» [14, с. 22]. О продолжении этой темы в художественном преломлении мы будем говорить в параграфе «Образ автора».

«Бремя запрета в выборе и толковании творческого объекта, гнетущее советского писателя-неприспособленца» [8] вызывает к жизни литературно-эстетический феномен *тайнописи*. Определяя его как «приемы творческого выражения темы, которые предусматривают ее второе, не вдруг раскрывающееся, прочтение» [15, с. 112], Ржевский замечает, что сам по себе прием тайнописи не нов: «ранним примером аллюзии в русской письменности начала XVIII века могла бы служить надпись на лубочной картинке „Как мыши кота погребают“, знаменующей ликование некоторых консервативных народных групп по поводу смерти Петра I» [15, с. 113]. Прием близок к инсказанию басни, аллегории, притчи, а также и символа. С позиций литературоведения и лингвистики Ржевский исследует тайнописное в творчестве Б. Пастернака (переводы Пастернака, роман «Доктор Живаго»), Ю. Олеси (роман «Зависть»), М. Булгакова («Мастер и Маргарита»). Сопоставляя оригинальный булгаковский текст с текстом, искаженным цензурой, Ржевский подчеркивает «мотив осуждения *трусости* как структурный мотив тайнописного в романе, осуждения предательства и попустительства злу, рожденных страхом за личное благополучие» [15, с. 125]. Зоркий и вдумчивый критик, Ржевский находит тайнописное и в литературоведческих трудах, например, в книге А. Белинкова о творчестве Юрия Тынянова: и аллюзивные оценки прошлого, и «словоотбор современного типа» не должны вызывать сомне-

ний – «перед нами фрагменты авторского „запечатленного“ самовыражения» [15, с. 128].

Л. Ржевский не был скован партийными директивами в своем художественном творчестве. Тем не менее, концепт тайнописи, описанный им с позиций литературоведения, как нам представляется, получил развитие в его художественных текстах – в несколько другом аспекте: речь идет о многочисленных литературных реминисценциях, пронизывающих любую из его текстов.

3. Национальная культура и эмиграция

К середине XX века вполне оформилось противостояние двух культур – русской культуры эмиграции и советской русской культуры. Советская литература, если и упоминала литературу эмиграции, то трактовала ее не иначе как контркультуру, то есть как культуру, враждебную советской власти и родине. Эмиграция первой волны породила иную точку зрения, состоящую в признании в качестве «настоящей» только культуры эмиграции. Л. Березовая по этому поводу замечает, что «логика здесь была почти „большевистская“: поскольку в новой, советской, России нет политической и гражданской свободы, то всякая свободная духовная жизнь невозможна, а идеологизированная культура не может таковой называться. Сначала это было романтическое высказывание литератора и публициста Р. Б. Гуля: „Мы унесли Родину на подошвах своих сапог“. А потом – и позиция некоторых „непримиримых“ из числа русских эмигрантов» [2, с. 120]. Литераторы обеих сторон обычно имели тенденцию к упрощению картины литературного процесса, имевшего место в СССР. Об этой тенденции хорошо высказался Г. Адамович в своей статье «Литература в СССР» в 1938 году: «В Москве утверждают, что все русские настроения и стремления, в частности настроения и стремления литературные, проникнуты единством, потому что власть и партия в совершенной точности и чистоте выражают волю страны. В эмиграции до сих пор распространено убеждение, что разрыв между властью и страной, так сказать, абсолютен и что поэтому в советской печати подвизаются лишь лакеи или рабы, а люди, еще не окончательно утратившие самостоятельности и человеческого достоинства, оказались из нее мало-помалу исключены. По обеим формулам можно было бы написать стройную с виду „историю советской литературы“» [5, с. 28].

В 1951 году на расширенном совещании издательства «Посев» (Германия) Леонид Ржевский выступил с докладом «Национальная культура и

эмиграция», в котором суммировал и изложил литературные, литературоведческие и социокультурные проблемы эмиграции. Некоторые идеи сообщения Ржевского актуальны и по сей день в среде русской эмиграции, поэтому остановимся на основных тезисах доклада. Его пафос, возможно, лучше всего передает мысль, позднее высказанная Ржевским в «Сентиментальной повести» (1954): «Свою родину я уже не мог изображать только черно-белым, с осью, рассекающей ее на „после” и „до”. Да и не хотел. Я любил ее и „до” и „после”, а „после”, пожалуй, больше любил, потому что сам был частью этого „после”...» [19, с. 393]. Ржевский выступил категорически против непреходимой границы между русской культурой в эмиграции и русской – он настаивал на этом – русской культурой в СССР: самостоятельной советской духовной культуры не существует, а есть «традиционная культура нашего народа на том этапе его истории, который мы называем тоталитарным... Эту культуру надо знать, а не предавать анафеме, изучать, а не оставаться к ней равнодушным, свысока – всякому, кто утверждает, что осуществляет здесь, в Зарубежье, национальное культурное представительство» [12, с. 15]. Ржевский вступил в полемику с теми, кто занижает культурный потенциал советских людей: да, «программы гуманитарных вузов в СССР, в силу партийного их опустошения, во многих разделах убоги, но... косность и догма преодолеваются живой любознательностью», – авторитетно заявил Ржевский, много лет работавший до войны с советскими студентами. Состояние советских людей Ржевский охарактеризовал как «пребывание духа впроголодь», состояние, которое «обещает для будущей культуры несравненно больше, чем уютная религиозность Запада» [12, с. 14]. Заметим, что Л. Ржевский был не одинок в своем мнении о том, что национальную русскую культуру надо рассматривать как единое целое, не расчленяя ее искусственно на культуру метрополии и эмиграции. Так, В. Вейдле, убежденный в том, что «не было двух литератур, была одна русская литература двадцатого столетия», уже после войны, подводя итоги, писал: «Зарубежную Россию в целом лишь теперь, когда ей за пятьдесят перевалило, стали понемногу замечать, и зарубежную русскую литературу сопоставлять с той, что все эти полвека прозябала за колючей проволокой – лагерной или пограничной – у себя на родине. Можно, конечно, сказать, что и зарубежная, хоть и по совсем другим причинам, прозябала больше, чем цвела, но если два эти прозябания по очереди рассмотреть,

их различие взвесить, а затем одно с другим сложить, получится все же не столь безутешная картина. Вместе взятые, два прозябания все-таки ближе окажутся к цветению, чем каждое из них взятое в отдельности» [5, с. 31].

В довольно резком тоне в упомянутом докладе Л. Ржевский обрисовал тип «мансардного эмигранта» – созерцательного патриота, чей патриотизм выражается «чаще всего декоративно во внешнем оформлении его „русскости”». Такой тип Ржевский выводит и в своем романе «Между двух звезд»: «от „русского” осталась у него немножко беспорядочная доброта и легкий – в манерах и языке – налет „гусарства”; от зарубежной жизни – стилизованные в изгнании представления о советской действительности и какие-то опереточные... планы реконструкции „Святой Руси”» [19, с. 164]. Любая изоляция тупикова и неконструктивна, и другому своему герою из рассказа «Полдюжины талантов» Ржевский поручает выражение, слышанное им от одного из «подсоветских людей, переселившихся за океан: „Благодарю каждый день Бога, что унес меня из гнуснейшей России. Английского языка не знаю, русских газет не читаю принципиально. Занимаюсь огородничеством”». На это Ржевский ответил в докладе: «Логично, конечно: оторвавшемуся от культуры отечественной, не вошедшему в западную – остается только культура огородная» [12, с. 9].

Ржевский-литературовед остается мастером художественного слова и в литературной публицистике, вовлекая в речь яркую метафорику: так, говоря о послеоктябрьской русской поэзии, Ржевский утверждает: «Творчески целостно выраженных мастеров поэзии в СССР действительно нет. В этом смысле свет погас. Но погас не потому, что иссяк талант – источник света, а потому что электрики регулируют ток» [12, с. 19]. Или: «Но в целом профиль нашей эмигрантской литературы представляется мне порой в некотором роде египетским: с большим в фас поставленным глазом, устремленным по преимуществу в *прошлое*» [12, с. 25].

Не умаляя значения и художественного достоинства творений эмигрантов первой волны – И. Бунина, Н. Шмелева, Б. Зайцева, Ржевский призывал «писателей Зарубежья к переключке с тематикой литературы на нашей Родине... живой интерес к современности всегда был традицией нашей большой литературы» [12, с. 27]. Он – «за преодоление провинциализма в культурной жизни российского зарубежья...» Ржевский был убежден: «представительствовать нашу национальную

культуру не значит оплакивать ее прошлое или отталкиваться от ее настоящего, а значит *бороться за ее будущее*» [12, с. 30].

4. Исследования, посвященные творчеству отдельных писателей и поэтов

По кругу писателей и поэтов, творчество которых было предметом литературно-критического разбора Ржевского, можно судить о литературоведческих, философских и эстетических позициях самого Ржевского. Такими авторами стали как признанные классики русской литературы – Ф. Достоевский, А. Пушкин, так и писатели XX века, среди которых были и советские поэты и прозаики (И. Бабель, Б. Пастернак и др.), и литераторы первой и второй волн эмиграции – И. Бунин, И. Елагин, Н. Моршен, Р. Гуль, Г. Газданов, А. Ремизов, Д. Кленовский, В. Максимов, А. Седых, Тэффи и др.

При знакомстве с литературоведческими трудами Ржевского обращает на себя внимание, в первую очередь, присущее критику стремление к объективности при обращении к творчеству различных писателей; эту черту отметил в нем Е. Эткинд, обозначив ее как «благородство объединителя»: «В ту пору было... принято считать, что Восток и Запад, метрополия и эмиграция противостоят друг другу как силы враждебные, исполненные взаимной ненависти. В Москве они [эмигранты] считались предателями, литературными власовцами... о советских писателях [говорили] – как о профессиональных лжецах, холуях преступного режима, продажных шелкоперах. Леонид Ржевский со спокойной вдумчивостью обсуждает литературный процесс; с уважением и часто благодарностью пишет он о Бабеле, Эренбурге, Белле Ахмадулиной, Паустовском, Багрицком и многих других писателях советской литературы... для него место проживания и даже партийность не определяют художественного уровня» [21, с. 6].

Большая часть работ Ржевского посвящена творчеству Ф. Достоевского. В сборнике «Три темы по Достоевскому» (1972) критик выносит на обсуждение такие вопросы, как «Мотив жалости в поэтике Достоевского», «Мистерия соблазна у Достоевского», «Язык романа „Бесы“ и образ автора». Имя Достоевского, реминисценции из его творчества – почти в каждом художественном тексте Ржевского, а в последнем романе – «Бунте подсолнечника» (1981) – Достоевский оказывается фактически героем этого философского по своей проблематике произведения.

Анализируя творчество А. Чехова, Ржевский видел главным в его поэтике «синтетизм мироощущения». Под этим определением он подразумевал «сложную противоречивость жизни, слиянность в ней до нерасчленимости светлого и мрачного...» [11, с. 82]. Значительная часть работ Ржевского-литературоведа также посвящена И. Тургеневу, М. Булгакову, Б. Пастернаку, А. Солженицыну, И. Бабелю, Л. Толстому и др.

Нельзя обойти стороной поэтическую часть литературоведческого интереса Ржевского. Ржевскому принадлежат оригинальные конструктивные разборы поэзии не только эмигрантов И. Елагина, Д. Кленовского, но и советских поэтов – Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского. В работе «„Звоны“ и строфы в современной русской поэзии» на материале поэзии Е. Евтушенко, А. Вознесенского, И. Елагина, Н. Моршена, И. Чиннова, Д. Кленовского и др. критик рассматривает действие «звуковой инструментовки текста», т.е. аллитераций и ассонансов, которые Ржевский называет «звонами». Он предлагает деление звонов: 1) звоны-имитации; 2) звоны-метафоры; 3) звоны-структуры [11, с. 194-212].

Вопросами интертекстуальности – концептом, введенным в научный обиход в середине XX века и разработанным постструктуралистами Р. Бартом, Ю. Кристевой [1; 7; 22], – Л. Ржевский прямо не занимался, но среди его работ можно найти такие, которые связаны с этим понятием. При этом он, внимательный исследователь, находит не всегда очевидные критикам его времени литературно-творческие связи. В статье «Об одной творческой преемственности» Ржевский пишет о переключках в творчестве Достоевского и Пушкина: «пушкинской светлостью и гармонией Достоевский был впечатлен на всю жизнь, к ней – недостижимо – стремился...» [11, с. 57] Пушкин откликнулся в Достоевском в первом же романе «Бедные люди»: образ Макара Девушкина, по мнению Ржевского, коррелирует с образом пушкинского Самсона Вырина, а не гоголевского Акакия Акакиевича. Ржевский находит и переключки в речевом строе писателей: например, он сравнивает два зимних пейзажа, сопутствующих переживаниям героев, из «Пиковой дамы» и «Записок из подполья» [11, с. 61].

Стиль И. Бабея – 1) щедрость и патетика красок, 2) ироничное отношение автора к объекту повествования – Ржевский связывает с «плеядой мастеров слова», которую дала советской литературе Одесса в 20-30-х годах: Э. Багрицкий, В. Инбер, И. Ильф и Е. Петров, В. Катаев [14,

с. 76]. В творчестве Е. Евтушенко и А. Вознесенского критик усматривает следы влияния поэтики И. Елагина [17]. В работе, посвященной роману «Доктор Живаго», Ржевский проводит параллели «Пастернак–Блок», «Пастернак–Рильке». Иногда замечания о литературных реминисценциях делаются «мимоходом»: так, в работе о «Докторе Живаго» Ржевский соотносит сказовую стилизацию заговора Кубарихи, «перерастающего постепенно из собственно заговора в своеобразный трактат о колдовстве», со стилем А. Ремизова [14, с. 145].

Литературный и литературоведческий опыт Ржевского, безусловно, наложил отпечаток на его художественную прозу и в плане создания множества интертекстуальных связей с литературной традицией прошлого [4], а потому при исследовании художественной прозы Л. Д. Ржевского необходимо постоянно иметь в виду «что исследуемый художественный материал – произведения писателя-филолога, кандидата филологических наук, в совершенстве владеющего всем богатством аналитического аппарата – как отечественного, так и зарубежного» [3, с. 5].

Библиографический список

1. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов [Текст] // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. – М.: МГУ, 1987.
2. Березовая, Л. Г. Культура русской эмиграции (1920-30-е гг.) [Текст] // Новый исторический вестник. – 2001. – № 3.
3. Коновалов, А. А. Творческий путь Л. Д. Ржевского (Суражевского) [Текст] / А. А. Коновалов. – М., 2000.
4. Коновалов, А. А. Художественный мир Л. Д. Ржевского: проблемы поэтики и эстетики [Текст] / А. А. Коновалов. – М.: «Прометей» МПГУ, 2004.
5. Критика Русского зарубежья [Текст] в 2-х т.: Т. 1 / сост., прим., преамбулы О. Коростелева, Н. Мельникова. – М., «Олимп», 2002.
6. Осипова, Л. Т. Явное рабство и тайная свобода [Текст] / Л. Т. Осипова. – Мюнхен: Изд. ЦОПЭ, 1960.
7. Ржанская, Л. П. Интертекстуальность. Возникновение понятия. Об истории и теории вопроса [Текст] // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2002.
8. Ржевский, Л. Д. Главное направление [Текст] // Новое русское слово. – 1982.
9. Ржевский, Л. Д. Живое и мертвое слово: (очерки) [Текст] // Грани. – 1949. – № 5.
10. Ржевский, Л. Д. Зашифрованный термин (о существе социалистического реализма) [Текст] // Новый журнал. – 1981. – № 145.
11. Ржевский, Л. Д. К вершинам творческого слова: Литературоведческие проблемы и анализы [Текст] / Л. Д. Ржевский. – Нью-Йорк: Univ. Press, 1970.
12. Ржевский, Л. Д. Национальная культура и эмиграция: Доклад, прочитанный на расширенном совещании «Посева» 7-12 сентября 1951 г. в г. Лимбурге [Текст] / Л. Д. Ржевский. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1952.
13. Ржевский, Л. Д. Про себя самого: (Автобиография) [Текст] // Грани. – 1987. – № 144.
14. Ржевский, Л. Д. Прочтение творческого слова: литературные проблемы и анализы [Текст] / Л. Д. Ржевский. – Нью-Йорк: New York University Press, 1970.
15. Ржевский, Л. Д. Тайнописное в русской послеоктябрьской литературе [Текст] // Новый журнал. – 1970. – № 98.
16. Ржевский, Л. Д. Творец и подвиг: Очерки по творчеству Александра Солженицына [Текст] / Л. Д. Ржевский. – Франкфурт-на Майне: Посев, 1972.
17. Ржевский, Л. Д. Черты эмигрантской литературы послевоенного времени [Текст] // Новое русское слово. – 1983.
18. Ржевский, Л. Д. Язык и тоталитаризм [Текст] / Л. Д. Ржевский. – Мюнхен: Изд-во Института по изучению СССР, 1951.
19. Ржевский, Л. Д. Между двух звезд [Текст] / предисл. В. Синкевич, послеслов. В. Агеносова. – М.: Терра-спорт, 2000.
20. Синкевич, В. Леонид Ржевский – писатель и человек [Текст] / В. Синкевич. – М.: Терра-спорт, 2000.
21. Эткинд, Е. Е. Благородство объединителя [Текст] // К вершинам творческого слова: Литературоведческие статьи и отклики. – Норвич, 1990.
22. Kristerva, J. Revolution in poetic language. – New York: Columbia Univ. Press, 1984.

Reference List

1. Bart, R. Vvedenie v strukturnyj analiz povestvovatel'nyh tekstov = Introduction to structural analysis of narrative texts [Tekst] // Zarubezhnaja jestetika i teorija literatury XIX–XX vv.: Traktaty, stat'i, jesse. – М.: MGU, 1987.
2. Berezovaja, L. G. Kul'tura russkoj jemigracii (1920-30-e gg.) = Culture of Russian emigration (1920-30-s) [Tekst] // Novyj istoricheskij vestnik. – 2001. – № 3.
3. Konovalov, A. A. Tvorcheskij put' L. D. Rzhhevskogo (Surazhevskogo) = Creative way of L. D. Rzhhevsky (Surazhevsky) [Tekst] / A. A. Konovalov. – М., 2000.
4. Konovalov, A. A. Hudozhestvennyj mir L. D. Rzhhevskogo: problemy pojetiki i jestetiki = Art world of L. D. Rzhhevsky: problems of poetry and aesthetics [Tekst] / A. A. Konovalov. – М.: «Prometej» MPGU, 2004.

5. Kritika Russkogo zarubezh'ja = Criticism of the Russian abroad [Tekst] v 2-h t. : T. 1 / sost., prim., preambuly O. Korosteleva, N. Mel'nikova. – M., «Olimp», 2002.
6. Osipova, L. T. Javnoe rabstvo i tajnaja svoboda = Explicit slavery and secret freedom [Tekst] / L. T. Osipova. – Mjunhen : Izd. COPJe, 1960.
7. Rzhanskaja, L. P. Intertekstual'nost'. Voznikovenie ponjatija. Ob istorii i teorii voprosa = Intertextuality. Origin of the concept. On history and theory of the question [Tekst] // Hudozhestvennye orientiry zarubezhnoj literatury XX veka. – M. : IMLI RAN, 2002.
8. Rzhenskij, L. D. Glavnoe napravlenie = Main direction [Tekst] // Novoe russkoe slovo. – 1982.
9. Rzhenskij, L. D. Zhivoe i mertvoe slovo: (ocherki) = Living and dead word: (essays) [Tekst] // Grani. – 1949. – № 5.
10. Rzhenskij, L. D. Zashifrovannyj termin (o sushhestve socialisticheskogo realizma) = Coded term (about the creature of socialist realism) [Tekst] // Novyj zhurnal. – 1981. – № 145.
11. Rzhenskij, L. D. K veršinam tvorcheskogo slova: Literaturovedcheskie problemy i analizy = To the tops of the creative word: literary problems and analyses [Tekst] / L. D. Rzhenskij. – N'ju-Jork : Univ. Press, 1970.
12. Rzhenskij, L. D. Nacional'naja kul'tura i jemi-gracija: Doklad, pročitannyj na rasshirennom soveshhanii «Poseva» 7-12 sentjabrja 1951 g. v g. Limburge = National culture and emigration: a report read at the extended meeting of «Posev» on September 7-12, 1951 in Limburg [Tekst] / L. D. Rzhenskij. – Frankfurt-na-Majne : Posev, 1952.
13. Rzhenskij, L. D. Pro sebja samogo: (Avtobiografija) = About himself: (Autobiography) [Tekst] // Grani. – 1987. – № 144.
14. Rzhenskij, L. D. Prochten'e tvorcheskogo slova: literaturnye problemy i analizy = Reading of the creative word: literary problems and analyses [Tekst] / L. D. Rzhenskij. – N'ju-Jork : New York University Press, 1970.
15. Rzhenskij, L. D. Tajnopisnoe v russkoj posleoktjabr'skoj literature = Secretly written in Russian post-October literature [Tekst] // Novyj zhurnal. – 1970. – № 98.
16. Rzhenskij, L. D. Tvorec i podvig: Oчерki po tvorčestvu Aleksandra Solženicyna = Creator and feat: Essays on the work of Aleksandr Solzhenitsyn [Tekst] / L. D. Rzhenskij. – Frankfurt-na Majne : Posev, 1972.
17. Rzhenskij, L. D. Čerty jemigrantskoj literatury poslevoennogo vremeni = Features of immigrant literature of post-war times [Tekst] // Novoe russkoe slovo. – 1983.
18. Rzhenskij, L. D. Jazyk i totalitarizm = Language and totalitarianism [Tekst] / L. D. Rzhenskij. – Mjunhen : Izd-vo Instituta po izucheniju SSSR, 1951.
19. Rzhenskij, L. D. Mezhdju dvuh zvezd = Between two stars [Tekst] / predisl. V. Sinkevich, posleslov. V. Agenosova. – M. : Terra-sport, 2000.
20. Sinkevich, V. Leonid Rzhenskij – pisatel' i čelovek = Leonid Rzhensky – writer and man [Tekst] / V. Sinkevich. – M. : Terra-sport, 2000.
21. Jetkind, E. E. Blagorodstvo ob#edinitelja = Nobility of the unifier [Tekst] // K veršinam tvorcheskogo slova: Literaturovedcheskie stat'i i otkliki. – Norvich, 1990.
22. Kristerva, J. Revolution in poetic language. – New York : Columbia Univ. Press, 1984.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.11.2019

Дата принятия статьи к печати: 15.11.2019